

Пролог

В ПРЕДДВЕРИИ БОЛЬШИХ ДЕЛ

Третья военная зима для Соединенного Королевства была особенно трудной. Пронизывающие морозы наступили на две недели раньше привычных календарных сроков, отчего все огрехи властей по подготовке к зиме немедленно вылезли наружу. Сразу выяснилось, что запаса угля, заготовленного на зиму для отопления госпиталей, больниц, заводов, фабрик и прочих государственных учреждений, в лучшем случае хватит до середины января.

Одновременно с этим подвергалась урезанию и без того крайне скудная норма отпуска угля частным лицам. При этом следовало забыть о всяких льготах и преференциях для семей военнослужащих, находящихся в действующей армии Его Королевского Величества. Эту зиму им предстояло встретить в едином строю с теми, кто подобными льготами не пользовался.

Подобная экономия топлива грозила обернуться многочисленными смертями от холода

среди малоимущих и плохо социально защищенных простых англичан. Единственным выходом из сложившейся ситуации было бы объявление национализации всех запасов угля на острове, находящегося на складах частных компаний, а также попытка увеличить число шахтеров Уэльса за счет гражданского населения. Мера жестокая, так как касалась пожилых людей, женщин и детей, но иного выхода у правительства консерваторов просто не было.

Одним словом, наступивший ноябрь подбросил ещё одну острую проблему правящему кабинету премьер-министра Черчилля, но её появление не очень сильно пугало сэра Уинстона. У него был свой сильный козырь в кармане, который позволял ему смело смотреть вперед, не испытывая большой дрожи, которую он обычно обильно заливал рюмками бренди.

Выступая после первых налетов немецкой авиации на Лондон, Черчилль призвал англичан к крови и страданиям, нужде и потерям, обещая взамен победу над Гитлером.

Шаг был откровенно рискованный, и когда Чемберлен, предшественник Черчилля на посту премьер-министра, услышал его речь, то сильно удивился.

— Что он делает!?! — воскликнул уходящий в политическое небытие несостоявшийся миротворец. — Он роет себе могилу! Так нельзя говорить с английским народом. Его не поймут!

С его точкой зрения были полностью согласны многие представители британского политического сообщества, но оказалось, что они ошибались. Что прав оказался Черчилль, сказавший людям горькую правду, и они эту правду приняли.

С лета 1940 года британцы мужественно терпели бомбежки немецкой авиации, нехватку продовольствия в результате морской блокады острова подводными лодками адмирала Деница, а также всего остального, включая товары первой необходимости.

Туго пришлось затянуть пояса островной метрополии ради одержания победы над своим противником. На многие лишения пошли они, веря словам Черчилля, у которого с военными победами были сплошные разочарования. Из года в год британские войска терпели поражения и были вынуждены отступать, но наконец-то испытания, посланные Господом британской армии, закончились. В октябре 1942 года английские войска под командованием генерала Монтгомери одержали долгожданную победу над Роммелем под Эль-Аламейном, впервые за весь 1942 год заставив немцев отступить.

Казалось, что Уинстон Черчилль нашел своего генерала Победы, перебрав с десятков других соискателей. Испытывая острую нехватку топлива, боеприпасов, людского и материального пополнения, армия фельдмаршала Роммеля была

вынуждена покинуть территорию Египта и под нарастающими ударами англичан отступить в Ливию.

Долгожданная победа была одержана, но Черчилль не был бы самим собой, если бы положил все яйца в одну корзину и сделал ставку на одного генерала. Весь 1942 год британский премьер отчаянно балансировал под натиском Москвы и Вашингтона, требовавших открытия второго фронта. Сталин и Рузвельт постоянно требовали от него начать высадку английских войск в Европе, но Черчилль не мог себе позволить отступить от главной доктрины британской империи — воевать на континенте чужими руками, поставляя своему союзнику военные материалы и вооружение.

Так была выиграна война с Наполеоном, мировая война с кайзером Вильгельмом, и британский премьер не видел причин и нужды менять доктрину. С первых дней нападения немцев на СССР Черчилль громогласно заявил, что поможет Красной Армии всем, чем может, ради общей победы.

Прагматик Сталин тотчас ухватился за его слова и стал требовать выполнения данного британским премьером обещания. Первые месяцы сотрудничества двух идейных врагов и двух разных социальных систем прошли под знаком Большого скрипа. Чопорные англичане, привыкшие считать каждую оказанную услугу своему

континентальному союзнику, откровенно тянули время с отправкой военных грузов в Архангельск.

В своем подавляющем большинстве начальники военных штабов не верили в то, что терпящая поражение Красная Армия сможет дать отпор теснящему её на всех направлениях врагу. Словно присутствуя на боксерском поединке, британские военные не стеснялись делать ставки, сколько месяцев русские смогут продержаться под ударами вермахта. В зависимости от предпочтений того или иного аналитика прогноз жизнеспособности Красной Армии варьировал от одного месяц до трех.

Каждый из военных яростно отстаивал свою точку зрения, но все сходились в одном: в октябре с Россией и Сталиным будет покончено. Так зачем спешить с отправкой в обреченную страну танков, самолетов и прочих военных материалов? Чтобы они потом достались Адольфу Гитлеру? По этой причине кран британской военной помощи был приоткрыт ровно на столько, чтобы можно было сохранить лицо в большой политике и не понести серьезных убытков.

Только под нажимом президента Рузвельта в ноябре месяце англичане были вынуждены увеличить поставки боевой техники, включая танки «Матильда» и «Валентайн». Некоторые из них даже приняли участие в контрнаступлении советских войск под Москвой в декабре 1941 года.

Но если Сталин смог заставить британского премьера помогать советской стороне вооружением и военными материалами, то по открытию второго фронта в Европе все его усилия были тщетны. Даже подписав соглашение о высадке союзных войск во Франции в 1942 году, Черчилль не собирался выполнять взятые на себя обязательства.

Британская армия была готова отправить в Мурманск и Архангельск своих моряков и летчиков. Выражала намерения ввести войска в Баку для прикрытия нефтяных приисков, но о высадке британских войск на континент не могло быть и речи.

Вновь под давлением Рузвельта Черчилль был вынужден бросить кость Сталину и отдал приказ о высадке десанта в район Дьеппа в августе 1942 года. Английские командос и канадские пехотинцы действительно высадились на французские берега, но дальнейшего развития эта операция не получила из-за множества внезапно возникших трудностей. Потеряв один эсминец, тридцать три десантные баржи и около трех тысяч убитыми и пленными, британцы объявили своим союзникам о завершении операции.

Пролитая в Дьеппе кровь позволила Черчиллю бодрее разговаривать с советским лидером, объясняя ему причины, по которым Британия не может выполнить ранее взятые на себя обязательства перед союзником.

Разговор был тяжелым, стоил британскому премьеру много седых волос и нервов. Было выпито большое количество бренди, но Черчилль добился своего, и вопрос о втором фронте был перенесен на следующий год.

Проявляя твердость и упорство относительно высадки десанта во Францию, сэр Уинстон делал все возможное и невозможное для реализации другой десантной операции, которую начальники штабов назвали «Факелом». Суть её полностью совпадала с главной военной доктриной Британии — использовать английские войска исключительно для периферийных войн.

В войне с Наполеоном англичане сделали ставку на южный вариант действия, и, пока Наполеон сражался на полях России, герцог Веллингтон высадился в Испании. Когда военная удача отвернулась от французского императора и союзные войска вышли к Рейну, англичане не раньше и не позже вторглись на территорию Франции с юга.

Нечто подобное было разыграно в Первую мировую войну, и теперь Черчилль с упорством фанатика добивался высадки объединенных войска в Северной Африке, в Марокко и Алжире.

Сколько усилий стоило Уинстону убедить членов объединенных штабов поддержать этот вариант, история дипломатично умалчивает. Однако только с их помощью удалось заставить пре-

зидента Рузвельта согласиться с этим вариантом высадки союзного десанта.

Черчилль усиленно держался руками и ногами за южный вариант действий не только из-за традиции британского оружия. Этот вариант не только раз и навсегда устранял возможность захвата Гитлером Египта и Суэцкого канала. Он открывал перед английскими войсками широкое поле деятельности в делах Европы и в первую очередь в Греции, Италии и Югославии. В странах, где местные коммунисты имели серьезное влияние и, значит, представляли серьезную угрозу интересам английской короны в этом уголке мира. Британский имперский генеральный штаб уже подготовил предварительные наброски планов действий, и они были одобрены премьер-министром.

В тот момент, когда лучшие соединения вермахта бились в смертельной схватке на берегах Дона и Волги, а также в преддверии Кавказа, действуя исключительно против итальянских и французских союзников рейха, имелись неплохие условия для их реализации. Где-то, по твердому убеждению Черчилля и его военных советников, англичанам с союзниками должно было повезти.

Успехи британского оружия в Северной Африке, Италии или Греции кроме чисто военных дел гарантировали дивиденды и на политическом поприще. Так, по мнению сэра Уинстона, должны

были проснуться от летаргического сна немецкие промышленники и политики времен Веймарской республики и совместными усилиями с ненавидящими Гитлера военными попытаться устранить бесноватого фюрера с политической арены Германии. После чего можно было смело садиться с ними за стол переговоров и заключать мир, но на сугубо британских условиях.

Главным условием этого мира являлось полное прекращение войны на западе, с одновременным продолжением войны на востоке. При этом война на востоке подразумевала несколько вариантов, которые могли быть применены в зависимости от текущего момента. Так, Германия могла продолжить войну против Советов, как в одиночку, так и при поддержке англо-саксонского мира.

Не исключался и затяжной вариант, когда, получив мир на западе, Германия прекращала боевые действия и на Восточном фронте, но при этом не спешила с выводом войск с захваченных территорий. В этом случае подразумевалось начало ведения переговоров, где расклад сил был на стороне англичан и их союзников. Ни о каком равноправном партнерстве с разоренной и истерзанной Россией не могло быть и речи. Грозно стуча кулаком по столу, бывший союзник по антигитлеровской коалиции намеривался спросить со Сталина за многое, и для советского лидера будет большим счастьем сохранить свою страну в границах августа 1939 года.

Вот какие возможности открывались перед британским премьером в конце 1942 года, который был готов биться на землях Северной Африки до последней капли крови американского и канадского солдата. Начало операции «Факел» было назначено на 8 ноября. Полностью поглощенный предстоящей высадкой, Черчилль требовал от представителей британского адмиралтейства постоянно держать его в курсе всех событий. Все его мысли и думы были полностью сосредоточены на Северной Африке, и когда ему докладывали о нехватке запасов угля для предстоящей зимовки, он пренебрежительно махал рукой.

— Народ может подождать, когда страна находится в преддверии больших побед! У самого английского короля во дворце не горит большая часть его каминов! — гневно восклицал сэр Уинстон. — У меня самого в резиденции камин горит только три часа вместо положенных четырех, и ничего, держусь! Сегодня мы все в одном строю и испытываем одинаковые неудобства ради одной цели — победить Германию.

Когда адмирал Каннингем доложил премьеру, что французы оказывают ожесточенное сопротивление союзному десанту, пытающемуся высадиться в Федале, Сафи и Мехдии, у того возникло сильное волнение. Под ложечкой неприятно засосало, заныло в правом виске — одним словом, появились все признаки приближающихся неприятностей.

Когда же стало известно, что главную проблему для десанта в Федале создают пушки французского линейного корабля «Жан Бар», Уинстона пробила дрожь попеременно с яростью.

— О черт! Так и знал! Чувствовал, что эта недоделанная французская посуда обязательно влезет и испортит все дело. Как нам не повезло, что мы не смогли вовремя отправить его на дно морское! — бормотал взбудораженный Черчилль, вспоминая операцию «Катапульта» двухлетней давности.

— Не стоит так беспокоиться, сэр Уинстон, — стал успокаивать премьера его военно-морской адъютант командор Хьютон. — У американцев один только линкор «Массачусетс» имеет 406-миллиметровые орудия против 360-миллиметровых пушек «Жан Бара». Вместе с крейсерами «Гускалуза» и «Уичита» и авианосцем «Рейнджер» они приведут французов к молчанию.

— Вы забываете о той степени обозленности на нас французов за Мерс-эль-Кебир. Они будут сражаться до последнего солдата, до последнего снаряда. Мерзкие люди. К тому же нельзя забывать, что у них одиннадцать подводных лодок, способных сказать свое веское слово, — как истинный британец, премьер постоянно помнил о той морской блокаде, что устроили его родному острову немецкие подводные лодки сейчас и двадцать с лишним лет тому назад.